

18+

Евгений Юрьев

Дочь палача

Евгений Юрьев

Дочь палача

«Издательские решения»

Юрьев Е.

Дочь палача / Е. Юрьев — «Издательские решения»,

Отец Айрис — палач. Сама она с детства слышит последние мысли умирающих. Проклятый дар, который нельзя скрыть, делает её изгоем в глазах города. Когда наследный принц, окутанный слухами о древнем проклятии, требует её присутствия во дворце, Айрис понимает: за этим стоит нечто большее, чем простая прихоть. Ей предстоит войти в самое сердце тьмы — и ответить на вопрос, что сильнее: любовь, способная освободить, или проклятие, что жаждет новой жертвы.

© Юрьев Е.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Эшафот	6
Глава 2. Тень палача	8
Глава 3. Королевский указ	11
Глава 4. Чёрный рыцарь	16
Глава 5. Решение	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Дочь палача

Евгений Юрьев

© Евгений Юрьев, 2026

ISBN 978-5-0071-2015-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Эшафот

Пахло опилками и кислым пивом, приторным потом и той острой, липкой вонью страха, которую я научилась различать раньше, чем складывать буквы.

Толпа напирала, дышала в затылок. Кто-то наступил на подол, — я услышала, как жалобно затрещали нитки, но не обернулась. На площади перед ратушей было не протолкнуться, а мне предстояло стоять здесь до конца. Если сейчас я огрызнусь или, упаси боги, покажу страх, — станет только хуже. Проверено.

Отец вышел первым, и толпа завывала — звериный, голодный вой, от которого по коже побежали мурашки.

Он поднялся на помост тяжело, будто нес на плечах не привычный топор, а собственную жизнь, которую уже не разменял бы на дешевые монеты. Черный кожаный фартук, застиранный до неопределенного серого цвета, рукава закатаны до локтей. Лицо его застыло. В городе шептались, что палач продал душу, и потому лик его подобен маске мертвеца. Я знала правду: он был просто смертельно уставшим человеком, уставшим быть тем, кто забирает жизни по чужому приказу.

Я стояла у левого края эшафота, там, где меня плохо видно, но хорошо слышно. Мое место — на границе, между зрителями и смертью.

Осужденный был молод. Лет двадцать пять, не больше. Грязные светлые волосы прилипли ко лбу, руки стянуты за спиной грубой веревкой. Он не кричал и не вырывался. Просто смотрел поверх голов, в серое, набрякшее дождем небо, будто ждал кого-то, кто должен был прийти и остановить эту казнь. Я видела, как дрожат его ресницы. Грудь сковало льдом, и я перестала дышать.

— Именем короля, — затянул глашатай, разворачивая длинный свиток. — За измену, сговор с вором и убийство королевского сборщика податей...

Я не слушала. Я смотрела на его губы.

Они шевелились. Беззвучно, одними уголками. Он молился — или прощался с кем-то. Я не знала. Отец встал за его спиной, привычным движением поправил топор на длинном древке. У меня заложило уши. Так всегда бывает в последнюю секунду перед ударом, как будто мир замирает, делает глубокий вдох перед тем, как закричать.

Удар.

Толпа охнула и тут же загомонила, захлебываясь восторгом. Кто-то засмеялся — нервно, истерично. Кто-то крикнул: «Поделом!» Кровь брызнула на доски, на отцов фартук, на мои туфли. Теплая, липкая, она быстро остывала на утреннем ветру. Я смотрела прямо перед собой, не позволяя себе отвести взгляд.

И тогда я услышала это.

— Берег...

Один слог. Выдох. Даже не голос — отголосок, обрывок мысли, упавший в пустоту, как эхо из глубокого колодца. Он вонзился мне в голову, ледяной иглой. Меня передернуло, по спине пробежал холод, не имеющий ничего общего с утренним воздухом.

Отец нагнулся, схватил голову за волосы, поднял высоко над собой, показывая толпе. Та заревела, захлебываясь ликованием. Я опустила глаза. На досках расплывалась темная, маслянистая лужа, и в ней, как в грязном зеркале, отражалось серое, равнодушное небо. Пахло железом и теплом. Пахло тем, что я знала с детства — смертью.

Когда все закончилось, отец молча спустился с помоста. Я пошла за ним через расступающую толпу, которая шарахалась от нас, как от прокаженных. Кто-то плюнул мне под ноги — я перешагнула, не сбавляя шага, и лишь крепче сжала пальцы в кулаках, чтобы не дрожать.

Мы шли домой по узкой улочке, вьющейся вдоль городской стены. Отец молчал. Я молчала тоже. В висках пульсировало слово — «берег». Простое, обычное слово, ничего не значащее для человека, который, по официальной версии, торговал краденым на пристани. Почему оно вцепилось в меня мертвой хваткой?

— О чем думаешь? — спросил отец, не оборачиваясь.

— Ни о чем, — соврала я.

— Врешь.

Он остановился и резко повернулся ко мне. Лицо у него было тяжелое, изможденное, с глубокими складками у рта — следами прожитых лет и невыплаканных слез. Серые глаза, выцветшие, как старая рубаха, смотрели внимательно, цепко. Я знала этот взгляд. Так он смотрел, когда хотел понять — не слышала ли я снова.

— Говори.

— «Берег», — сказала я, и слово вылетело хриплым шепотом. — Он подумал «берег» перед смертью. Я услышала.

Отец отвернулся, сплюнул в пыль и покачал головой.

— Дурь. Они всегда перед смертью мелят чушь. Бабы чаще зовут мамку, мужики — бога. А этот — берег. Может, и правда воровал на пристани, вот и вспомнил в последний миг. Забудь.

— Уже забыла, — соврала я, глядя ему в спину.

Он хмыкнул, коротко и недоверчиво, и зашагал дальше. Я пошла следом. Врала я плохо — всегда плохо, и он знал об этом лучше, чем кто-либо.

Наш дом стоял на отшибе, возле старого, давно пересохшего рва, заросшего крапивой и лопухами в человеческий рост. Два окна, покосившееся крыльцо, дверь с глубокой трещиной. Внутри пахло дымом, воском и тем неуловимым, горьковатым запахом одиночества, который пропитал каждую доску.

Я сразу поднялась к себе, заперлась на щеколду и зажгла свечу. Достала из-под половицы потрепанную тетрадь в темном, потертом переплете, села на холодный пол и записала:

«Берег. Казнен за измену. Смотрел в толпу, будто искал кого-то. Улыбнулся за миг до удара — или мне показалось. Не кричал. Не просил пощады».

Закрыла тетрадь и задула свечу. В наступившей темноте слово прозвучало снова — не в ушах, а прямо в груди, холодной, тяжелой волной. На мгновение мне показалось, что я чувствую запах соли и мокрых водорослей, хотя до ближайшей реки было почти полчаса ходьбы. Я зажмурилась, пытаюсь прогнать наваждение.

За стеной гремел посудой отец, потом скрипнула кровать под его весом. Потом все стихло.

Я лежала, глядя в темный, закопченный потолок, пока за окном не начал моросить дождь. Он барабанил по старой черепице, словно сотни невидимых пальцев выстукивали чужой, непонятный ритм. Я думала о том, что завтра нужно зашить подол, чтобы не ходить в лохмотьях. И о том, что мертвые не врут. А живые — почти всегда.

Утром я сожгу страницу. Но не сейчас.

Сейчас мне нужно было услышать его снова. Поэтому я закрыла глаза и прошептала в темноту:

— Берег.

Молчание.

Только дождь, ровно и монотонно стучащий по крыше. И далекий, почти нереальный крик чаек, которых в нашем городе отродясь не водилось.

Глава 2. Тень палача

Утро встретило меня запахом гари, исходившим от остывшей печи, и тарелкой холодной, пресной каши, которую я все же заставила себя проглотить.

Отец ушел затемно — по четвергам он затачивал инструменты у городского кузнеца, а потом шел в казарму, проверять эшафот. Я осталась одна в доме, пахнущем старостью и одиночеством. Натянула серое, застиранное платье, переплела волосы в тугую косу, чтобы не лезли в лицо, и вышла на улицу.

Город встретил меня тишиной.

Не той утренней сонной тишиной, что висит над крышами до первого крика петуха. Другой — настороженной, злой, как собака, готовящаяся к прыжку. Стоило мне ступить на мостовую, как старуха, торговавшая репой на углу, демонстративно отвернулась и принялась поправлять и без того ровный ряд корнеплодов. Двое мальчишек, гонявших по сточной канаве щепку, замерли, уставившись на меня. Потом один, постарше, поднял с земли увесистый камень.

— Дочка палача! — крикнул он, цедя слова с ненавистью, не по годам взрослой. — Кровь носит!

Камень ударил в плечо. Не больно, но обида обожгла так, что на глаза навернулись слезы. Я не ускорила шага, не втянула голову в плечи. Если побегу — станет хуже. Лучше идти ровно, как на плаху, и смотреть прямо перед собой, не замечая никого вокруг.

Камень упал в пыль. Второй просвистел у самого виска, обдав ветерком. Я даже не моргнула.

Мальчишка сплюнул и, потеряв ко мне интерес, пошел прочь. Второй, помладше, еще постоял, исподлобья разглядывая меня, но, не дождавшись ни страха, ни слез, тоже ушел. Я выдохнула, чувствуя, как дрожат руки, и свернула к рыночной площади.

Мне нужны были нитки. Вчерашний подол так и остался рваным, а ходить по городу с разрезом почти до колена я не собиралась — местные и так шептались за моей спиной, о чем угодно, не хватало еще дать им новый повод.

На рынке меня не прогнали, но и не позвали. Торговки поджимали губы, смотрели сквозь, как на пустое место. Деньги у меня взяли молча, не глядя в глаза, сдачу сунули в ладонь, стараясь не касаться моих пальцев, будто я была заразной. Я спрятала нитки в карман и пошла обратно, стараясь не думать о том, как это — когда с тобой разговаривают не через силу, а по-человечески, улыбаются, называют по имени.

У колодца меня догнал нищий.

Он был старым, дряхлым, с мутными, гноящимися глазами, и от него разило перегаром, кислым и удушливым. Он схватил меня за рукав, притянул к себе, дыхнул в лицо горячей вонью.

— Слышь, дочка палача... — голос его дрожал и сипел. — Скажи отцу... скажи, пусть меня казнит. Слышишь? Быстро, чисто, без мучений. А то я все равно сдохну под забором, как собака. А так — на эшафоте, при народе... Хоть один день поживу.

Я вырвала руку, чувствуя, как сердце пропускает удар.

— Отпустите.

— Боишься? — он засмеялся, обнажая черные, гнилые обломки зубов. — А зря. Ты же смерть свою каждый день видишь. Что я тебе? Просто еще одна тень.

Я отступила, и он, к моему удивлению, не пошел за мной. Только стоял, покачиваясь, и смотрел мне вслед слепыми, ничего не видящими глазами. Но слова его остались, прилипли к коже, как смола. «Быстро, чисто. При народе».

Домой я летела, не разбирая дороги, спотыкаясь о корни и камни, пока в груди не закололо от нехватки воздуха.

Отец вернулся к вечеру. Я сидела на крыльце, при свете догорающего дня зашивала юбку, когда он вошел во двор, стащил с плеч фартук и небрежно бросил его на перила. На фартуке были влажные темные пятна. Я старалась не смотреть на них, но они проступали сквозь ткань, как кляксы на чистом листе.

— Чего сидишь? — спросил он, не глядя на меня. — Холодно уже, простудишься.

— Дышу, — ответила я, и он усмехнулся — коротко, безрадостно.

Он хмыкнул, сел рядом на ступеньку, с хрустом потянувшись, и достал из-за пазухи старую, потертую флягу. Отвинтил крышку, сделал долгий глоток, вытер рот рукавом. Мы молчали — и это было привычное, почти родное молчание, в котором не нужно было ничего объяснять или оправдывать.

— Отец, — начала я несмело. — А если к тебе придет человек и попросит казнить его? Не за преступление. Просто так... чтобы избавиться.

Он не ответил сразу. Сделал еще глоток, подольше, будто собирался с мыслями, потом посмотрел на закат, на серую, унылую полосу света, уходящую за горизонт.

— Бывало такое. Пару раз. — Голос его был глухим, безжизненным. — Один, правда, передумал в последний миг, заорал, что жить хочет. Пришлось связать, чтоб не помешал.

— И что ты делал? С теми, кто не передумал?

— А что тут делать? — он усмехнулся, но улыбка вышла кривой, горькой. — Если он сам просит, значит, виноват. Не перед законом, так перед собой. Перед собой у них всегда вина есть. Каждый носит в себе то, за что готов умереть.

Он встал, потянулся всем телом, хрустнув суставами.

— Это не мое дело, Айрис. Я не судья. Я — топор. Меня не спрашивают, за что и почему. Я просто делаю свою работу.

И он ушел в дом, оставив меня на крыльце, одну, с иголкой в руке и тяжелым, липким чувством в груди.

Ночью меня разбудил шум.

Я открыла глаза, прислушиваясь, и не сразу поняла, что это. Скрип половиц под осторожными шагами? Ветер в ставнях? Нет. Внизу, на кухне, что-то глухо стукнуло, а затем раздался низкий мужской голос. Не отцовский, чужой.

Я замерла. Сердце забилося где-то в горле, глухо и часто. Встать и пойти вниз было страшно. Лежать и прислушиваться, ничего не зная — еще страшнее. Я нащупала на столе нож, который всегда держала под рукой, и босиком, стараясь ступать бесшумно, подкралась к двери. Приоткрыла ее на ширину пальца и заглянула в щель.

Внизу горела одна-единственная свеча, выхватывая из мрака кусок стола и лицо отца — бледное, напряженное.

Голос говорил тихо, но отчетливо, с металлическими нотками:

— ...Принц хочет ее видеть. Завтра. Приведи ее.

Отец молчал. Я видела, как сжались его кулаки, лежащие на столе.

— Это невозможно, — сказал он наконец, и голос его был глухим, как камень, падающий в воду.

— Это приказ. Отказ не принимается.

— Тогда пусть сам приходит, — отец поднялся, тяжело опираясь о стол. — Я ее не отдам. Она никуда не пойдет.

Я прижалась лбом к дверному косяку, чувствуя, как холодок пробегает по спине. Свеча погасла — то ли ее задули, то ли она догорела сама. В темноте хлопнула входная дверь, и все стихло.

Я еще долго стояла, прислушиваясь. Внизу скрипнула кровать — отец лег, но я знала, что он не спит. Я вернулась в постель, но сон не шел до самого рассвета.

Принц. Сын короля, который не выходит из замка уже два года. О котором говорят только шепотом, боясь произнести его имя вслух. Который, если верить слухам, убивает быстрее, чем мой отец успевает занести топор, одной лишь силой своей воли.

И этот принц хочет видеть меня.

Я закрыла глаза и снова слышала то слово, пронизывающее темноту: «Берег». На этот раз оно прозвучало как предупреждение — глухое, грозное. Или как обещание. Я не знала. Знала только, что завтра что-то изменится навсегда. И еще — что ночью я опять видела сон, где стояла на берегу бесконечного серого моря, а кто-то звал меня по имени.

Голос был знакомым, до боли знакомым, но я не могла вспомнить, кому он принадлежал.

Утром я сожгла страницу с записью. Но слово оставила. Записала его в чистовик, в самый конец тетради, и подчеркнула три раза жирной чертой.

Берег.

Как будто это было важно. Как будто мой дар, который я так ненавидела, пытался сказать мне что-то, чего я не понимала.

Глава 3. Королевский указ

Я не спала почти всю ночь.

Лежала на жестком тюфяке, прислушиваясь, как отец ворочается за тонкой стеной, как скрипят половицы под его тяжелыми шагами. Он тоже не сомкнул глаз. Дважды выходил во двор, стоял там, глядя на звезды, и глубоко дышал, будто пытаюсь успокоиться. Потом возвращался. Мне до боли хотелось встать, спуститься к нему, спросить — кто приходил ночью? Почему он сказал «не отдам»? Что за принц, который сам приходит за дочерью палача посреди ночи?

Но я не встала.

Любопытство — это роскошь, которую я не могла себе позволить. Любопытные дочери палачей плохо заканчивают. Они исчезают бесследно. Или оказываются на том же эшафоте, только уже не зрителями, а главными действующими лицами.

Утром я вышла во двор умыться. Вода в старой бочке была ледяной, пахла тинной и стоялой гнилью. Я плеснула в лицо пригоршню, постояла, глядя на свое искаженное, рябое отражение. Худое бледное лицо, серые глаза, как у отца, волосы темные, непослушные, вечно выбивающиеся из косы. Губы тонкие, вечно сжатые в упрямую линию. Красивой меня не называли никогда. Но и уродиной не дразнили. Просто не смотрели. А если и смотрели, то с презрением, а это особенный взгляд, по нему лица не разглядеть.

Я вернулась в дом. Отец сидел за столом, пил что-то из большой глиняной кружки. Перед ним лежал старый королевский указ, свернутый в тугую трубку, перевязанный бечевкой. Я его раньше не видела.

— Сегодня не выходи из дома, — сказал он, не поднимая глаз.

— Почему?

— Потому что я так сказал.

Я села напротив, взяла со стола кусок черствого хлеба, отломилась маленький кусочек, но в рот не положила. Так и держала его в руке, глядя, как под ногтями забились серая, мучнистая пыль.

— Вчера ночью кто-то приходил, — сказала я, и голос мой прозвучал хрипло.

Отец наконец поднял на меня взгляд. Тяжелый, колющий, как лом.

— Я сказал — не выходи, Айрис. Забудь.

— Это был посланник принца? — не унималась я, чувствуя, как внутри закипает отчаянное, горькое любопытство.

Он сжал кружку так, что костяшки побелели.

— Айрис!

— Я не выйду, — сказала я тихо, почти умоляюще. — Просто скажи мне. Это правда? Принц хочет меня видеть?

Отец долго молчал, глядя в стену пустыми, отсутствующими глазами. Потом медленно кивнул, будто признавая то, о чем не хотел говорить вслух.

— Да, — выдохнул он. — Хочет.

— Зачем?

— Не знаю. И не хочу знать. — Он поднялся, грузно опираясь о стол дрожащими руками. — Ты никуда не пойдешь. Если кто придет — я разберусь. Ты моя дочь, и я сам решаю, где тебе быть.

Он вышел, хлопнув дверью с такой силой, что задребезжали стекла. Я осталась сидеть, глядя на закрывшуюся дверь. В окно било серое, мутное утро, ветер гнал по улице пыль и сухие прошлогодние листья. Где-то далеко заржала лошадь, пронзительно и тревожно. А потом загудел рог.

Город просыпался, и просыпался он беспокойно.

Сначала слышались голоса, потом топот многих ног. Я подошла к окну, осторожно выглянула из-за грязной занавески. По улице бежал мальчишка, размахивая руками, за ним — женщина с пустым ведром, бросившая свои дела. Потом еще люди, все больше и больше, все они двигались в одну сторону — к центральной площади.

Рог гудел снова. На этот раз ближе, настойчивее.

Я вышла на крыльцо, хотя отец строго запретил. На улице творилось что-то необычное. Люди шли быстро, возбужденно переговариваясь, лица их были напряжены. Я поймала за рукав соседку — вдову Марту, которая вечно смотрела на меня как на пустое место, как на грязь под ногами.

— Что случилось? — спросила я, и голос мой сорвался.

— Глашатай, — выдохнула она, вырывая руку. — От королевского двора. Указ пришел. Великий указ!

Она убежала, а я осталась стоять, чувствуя, как сердце сжимается в ледяной комок.

Я пошла за толпой, держась по краям, стараясь оставаться незаметной. На площади уже собралась огромная, шумная куча народа. Там, где вчера стоял эшафот, теперь возвышался всадник в красно-золотом плаще с длинным шлейфом. Конь под ним нетерпеливо перебирал ногами, фыркал, косился на людей. Всадник был молод, с острым, хищным лицом и тяжелой золотой печатью на перевязи — королевская печать, заверенная личной подписью монарха.

— Именем его величества! — закричал он, разворачивая плотный пергамент. — Слушайте все! Принц Рейнар, наследник престола, объявляет о поиске невесты!

Толпа ахнула — единый, оглушительный вздох. Кто-то засмеялся нервно, кто-то громко сплюнул в пыль. Я стояла как вкопанная, не в силах пошевелиться. Внутри все оборвалось, и в ушах зашумела пустота.

— Любая девушка, достигшая восемнадцати лет, имеет право явиться во дворец в течение семи дней! — продолжал глашатай, его голос звенел над площадью. — Принц сам выберет ту, что станет его женой. Испытания будут объявлены отдельно. Да благословят боги королевство на новый союз!

Он свернул указ и с силой кинул его в толпу. Люди повалились вперед, толкаясь, ловя драгоценный пергамент, будто это была не бумага, а мешок золота. Я отступила назад, чтобы меня не затоптали, и прижалась спиной к холодной стене дома.

В висках стучало, пульсировало: «Невесту. Принц ищет невесту. Любую девушку».

И вчера ночью он прислал ко мне своего посланника.

Я не знала, что это значит. Но знала точно — это не совпадение. Таких совпадений не бывает, не в этом городе, не в моей жизни.

Домой я шла быстро, почти бежала, спотыкаясь о булыжники. В груди росла тревога, тяжелая, как вода, заливающая легкие. Зачем принцу, который может выбрать любую знатную девицу из лучших домов, дочь палача? Зачем ему вообще смотреть в мою сторону? Что он мог знать обо мне?

Я ворвалась в дом, хлопнув дверью. Отец стоял у окна, глядя на улицу. Спина его была напряжена, кулаки сжаты у бедер. Он слышал глашатая. Он все знал.

— Ты знал, — сказала я, и голос мой дрожал. — Знал про невест.

Он не обернулся.

— Знал.

— И что?

— Ничего. — Он медленно, словно преодолевая невидимую тяжесть, повернулся ко мне, и я впервые увидела в его глазах не злость, не раздражение — страх. Настоящий, животный страх. — Ты не пойдешь. И пусть даже не думают об этом.

— Если они придут силой...

— Не придут. — Он отошел от окна, тяжело опустился на лавку, обхватил голову руками, пряча лицо. — Не посмеют. Это только слухи. Пока только слухи, шепот. Я не дам тебя в обиду.

Я хотела спросить еще, но он поднял руку, и я замолчала. Села на пол возле холодной печи, прижала колени к груди и обхватила их руками. Мы сидели так долго, пока за окном не начало смеркаться. Люди возвращались с площади, громко обсуждая новость, кто-то смеялся, кто-то мечтал вслух. Девушки, наверное, уже гладили свои лучшие платья и учили изящные поклоны перед зеркалами.

А я сидела на полу и слушала, как отец тяжело дышит, будто после долгой, изнурительной борьбы.

Ночью он не лег. Сидел в кухне с длинным кухонным ножом на коленях, пил горькое вино и неотрывно смотрел на запертую дверь, готовый встретить любого, кто посмеет войти.

Я лежала наверху, одетая, сжимая в руке свой маленький нож, и смотрела в темный потолок. В голове крутился указ: «Любая девушка может прийти». Дочь палача — тоже девушка? Формально — да. Но в этом городе даже мое имя произносили шепотом, как проклятие, как дурное предзнаменование. Меня не звали на праздники, не пускали в храм с другими, мое место всегда было у края, в тени, рядом с отцом и его топором.

И все же ночью, когда я наконец задремала, мне снова приснился берег. И на этот раз я была там не одна. По кромке воды, по мокрому, блестящему песку, шел человек в черном, и от него падала такая густая, непроглядная тень, что волны темнели, касаясь ее. Он не оборачивался, но я знала — он хочет, чтобы я пошла за ним.

— Айрис, — позвал он, и голос его проник в самую душу. — Иди сюда. Я жду тебя.

Я проснулась в холодном поту.

Внизу скрипнула дверь.

Я замерла, прислушиваясь. Потом послышался голос — тихий, вежливый, но с металлическим звоном, спрятанным под бархатом.

— Доброй ночи, палач. Я пришел не за тобой.

Отец молчал.

— Я пришел за твоей дочерью.

Сердце упало куда-то в пропасть. Я села на кровати, не смея дышать. В ушах звенело, пульсировало.

— Уходи, — сказал отец, и голос его был глухим, как удар топора о плаху. — Или я тебя на куски порублю. Не посмотрю, кто ты.

— Не порубишь, — ответил голос, и в нем прозвучала ледяная уверенность. — Ты же знаешь, кто я. И знаешь, что будет, если откажешь. Ты не хочешь этого, палач. Не для себя — для нее.

Тишина. Долгая, тягучая, как падение с высокого обрыва в ледяную воду.

Потом шаги. Тяжелые, мерные. По лестнице.

Он поднимался ко мне.

Я вжалась в стену, нащупала под подушкой нож. Дверь скрипнула, приоткрываясь. На пороге стоял человек в черном — высокий, широкоплечий, с длинным плащом, падающим до самого пола. Лица его я не видела, только силуэт, очерченный тусклым светом уличного фонаря.

— Айрис, — сказал он, и голос его был спокоен, как у человека, привыкшего к беспрекословному подчинению. — Не бойся. Я не причиню тебе вреда.

— Убирайтесь, — выдавила я, и нож дрогнул в моей руке. — Я не пойду.

— Я не причиню тебе вреда, — повторил он, не двигаясь с места. — Принц просит тебя прийти. Не приказывает. Просит. В этом разница.

— Почему я? — спросила я, и голос мой сорвался на шепот.

— Ты услышишь это от него самого. — Он помолчал, и в тишине ночи его слова прозвучали как приговор. — Завтра в полдень у восточных ворот. Тебя встретят. Никто не тронет тебя, если ты придешь.

Он развернулся и бесшумно спустился вниз. Я слышала его шаги, потом тихий, почти незаметный звук — будто он положил что-то на стол. Потом хлопнула входная дверь, и все стихло.

Я долго не могла пошевелиться, приходя в себя. Потом, осторожно ступая по скрипучим ступеням, спустилась на кухню. Отец стоял у стола, держа в руках небольшой кожаный мешочек. Развязал его дрожащими пальцами. Внутри блеснуло золото — тяжелые, звонкие монеты.

— Взятка, — сказал он с отвращением, и голос его дрожал от едва сдерживаемой ярости. — Мне. За то, что отдам тебя.

Он швырнул мешочек на пол с такой силой, что монеты разлетелись по доскам, закатились в щели и под лавки.

— Я не отдам! — сказал он, и в голосе его звучала сталь. — Слышишь? Никогда!

Я не ответила. Медленно подошла, наклонилась и подняла одну монету. Она была теплой, тяжелой, гладкой. На ней был выбит строгий профиль короля — отца принца.

— А если я сама захочу пойти? — спросила я тихо, почти беззвучно.

Он посмотрел на меня так, будто я ударила его ножом в самое сердце.

— Ты не понимаешь, Айрис. Ты не представляешь.

— Так объясни мне! — крикнула я, и слезы, наконец, хлынули из глаз, обжигая щеки.

Он сел на лавку, словно под ним подкосились ноги, закрыл лицо большими, грубыми ладонями. Плечи его вздрагивали. Я впервые видела, как отец плачет.

— Этот принц, — начал он, и голос его был сдавленным, как из-под земли. — Он не ищет жену, Айрис. Он ищет... что-то другое. Я слышал про него, еще когда ты была маленькой, совсем крохой. Он проклят. Проклят древней, страшной магией, которую никто не может снять. Говорят, он убивает всех, кого любит. Просто от одного прикосновения, от одного взгляда.

— Тогда зачем ему я?

— Не знаю. — Отец опустил руки, и лицо его было серым, как пепел, как та зола, что остается после пожара. — Но те, кто уходил к нему, не возвращались. Никто. Ни одна девушка из тех, кого он выбирал. Они просто... исчезали.

Я слотнула. В горле пересохло, и каждое слово давалось с трудом.

— Значит, он и меня выберет, чтобы убить?

— Не знаю! — он почти закричал, ударив кулаком по столу. — Может, ты нужна ему для его проклятия, как жертва. Может, чтобы снять его. Может, ты — ключ. Я не знаю, Айрис! Поэтому я не хочу тебя пускать! Ни за какие сокровища!

Мы замолчали. За окном поднялся холодный ветер, завывая в трубе. Где-то далеко, на старой колокольне, пробило полночь.

— Я не пойду, — сказала я, и слова прозвучали глухо и пусто. — Обещаю тебе, отец. Я останусь здесь.

Он поднял на меня глаза, и в них стояла такая боль, что у меня сжалось сердце.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Я поднялась наверх, легла, укрывшись старым, дырявым одеялом, но знала, что не сдержу слова. Потому что человек в черном сказал: «Принц просит». А от таких просьб в нашем мире не отказываются. Потому что где-то внутри меня, глубоко под слоями страха и отчаяния, росло странное, запретное, почти болезненное чувство.

Любопытство.

Проклятое, чертово любопытство, которое может убить человека быстрее, чем топор моего отца.

Глава 4. Чёрный рыцарь

Я не пошла к восточным воротам.

Я пошла к западным. А потом, петляя по узким, темным проулкам, вышла к восточным с другой стороны — так, чтобы отец не увидел меня из окна. Он все утро просидел на кухне, молча точил свой длинный нож и неотрывно смотрел на входную дверь. Я сказала, что иду к колодцу за водой. Он кивнул, но не поверил ни единому слову. Я видела это по его глазам — они были темными и пустыми.

И все равно я ушла.

Полдень. У восточных ворот было пусто и тихо. Только старый, сонный стражник дремал у будки, прислонившись спиной к стене, да нищий копался в мусорной куче, выискивая что-то съестное. Я стояла в густой тени стены, кутаясь в старый, выцветший плащ, и смотрела на дорогу, ведущую за городские стены. Сердце колотилось где-то под горлом, и каждый удар отдавался в висках.

Ждала я недолго.

Из-за поворота бесшумно выехала карета. Черная, без гербов, с плотно занавешенными окнами. Колеса ее едва слышно катились по пыльной дороге. За ней, в седлах, двое всадников в длинных темных плащах с низко надвинутыми капюшонами — те самые, что приходили ночью. Один из них ловко соскочил с коня, подошел к карете и распахнул дверцу.

— Прошу, — сказал он.

Голос его был спокоен, вежлив, но в нем не было ни тени тепла, как у человека, привыкшего говорить коротко и не тратить слов попусту.

Я оглянулась. Улица была пуста — ни души, ни звука. Никто не смотрел в мою сторону. А если бы и смотрел — карета не походила на королевскую, скорее на повозку какого-нибудь богатого купца или ростовщика. Могло показаться, что дочь палача просто садится в экипаж к торговцу или к кому похуже.

Я села. Внутри пахло дорогой кожей и чем-то сладковатым, как от сухих целебных трав, смешанных с ладаном. Дверца за мной захлопнулась с мягким, глухим звуком. Карета тронулась.

Ехали мы долго, может быть, час, а может, и больше. Я не смотрела в окно — не хотела знать, где я и куда меня везут. Я смотрела на свои руки, сцепленные на коленях, и считала вдохи: раз, два, три, четыре... На цифре семьсот сорок шесть карета остановилась.

Дверца открылась. Передо мной был внутренний двор замка.

Я вышла и едва не задохнулась от изумления.

Замок был огромен. Не таким я его представляла по скудным рассказам торговков на рынке — мрачным, серым, с острыми, как клыки, шпилями, уходящими в самое небо. Стены из темного, почти черного камня, мощеная плитами мостовая, тяжелые стяги, хлопающие на холодном ветру. И тишина. Глубокая, неестественная тишина, как на дне глубокого, заброшенного колодца.

— За мной, — сказал человек в черном, и я послушно пошла следом, чувствуя себя маленькой и потерянной в этом каменном лабиринте.

Мы миновали пустой, безлюдный двор, вошли в длинный коридор с высокими, стрельчатыми сводами. Факелы горели здесь даже днем, отбрасывая пляшущие, зловещие тени на стены. Мои шаги звучали слишком громко, эхо разносилось по коридору, возвращаясь ко мне искаженным шепотом. Казалось, сам замок прислушивается ко мне, дышит в затылок ледяным, влажным воздухом.

Двери открылись в большой, просторный зал.

Я остановилась на пороге, чувствуя, как сердце пропускает удар.

Он стоял у высокого, стрельчатого окна, залитого бледным, рассеянным светом. Высокий, в темно-синем камзоле, расшитом серебряной нитью, с высоким воротником. Волосы черные, длиннее, чем у знатных господ, собраны в низкий, тугой хвост. Лицо его казалось вырезанным из холодного, белого камня: острые, четко очерченные скулы, твердый, волевой подбородок, губы плотно сжаты. Глаза я разглядела не сразу. А когда разглядела — забыла, как дышать.

Они были как трещины на зимнем озере — холодные, бездонные, опасные, и в них невозможно было разглядеть дно. Я смотрела в них и чувствовала, что если сделаю еще один шаг вперед, то провалюсь в эту ледяную пустоту безвозвратно.

— Айрис, — сказал он. Не спросил, не удивился — просто назвал по имени, будто ждал меня здесь всю свою жизнь.

— Да, — выдавила я, и голос мой прозвучал хрипло и тонко.

— Подойди.

Я осталась на месте, ноги словно приросли к каменному полу. Он не удивился моему непослушанию. Вообще не пошевелился, только медленно, очень медленно, как в замедленном сне, повернулся ко мне всем корпусом.

— Ты боишься. Это разумно. — Он сделал один шаг в мою сторону, и от этого движения воздух в зале, казалось, стал плотнее. — Но если бы я хотел тебя убить, ты бы уже не дышала. Я не лгу тебе.

— Зачем я здесь? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Поговорить.

— Говорите, — сказала я, и в моем голосе прозвучала сталь, которую я не чувствовала внутри.

Он усмехнулся — краем рта, одними уголками губ. Улыбка его была как трещина в камне: неживая, опасная, и в ней не было ни капли тепла.

— Мне нужна женщина, — сказал он, и слова его упали в тишину, как тяжелые камни. — Не просто невеста для формального брака. Мне нужна та, у которой есть... особый дар.

Внутри у меня все оборвалось, сердце провалилось в пропасть. Он знал. Знал про мой дар, который я так тщательно скрывала все эти годы.

— Откуда вы...

— Я много чего знаю, Айрис. Например, что ты слышишь мёртвых. Точнее, умирающих — их последние мысли, их последние слова. Это правда?

Я молчала. В горле пересохло, и слова застревали где-то в груди, не находя выхода.

— Это не обвинение, — он сделал еще один шаг, и теперь между нами оставалось не больше пяти шагов. — Наоборот. Это именно то, что мне нужно.

— Зачем? — выдохнула я.

— Я проклят, — сказал он просто, будто речь шла о погоде или о цвете его камзола. — Ты, наверное, слышала слухи обо мне, они ходят по городу, как сорняки. И все они — правда. Я убиваю людей, Айрис. Не потому, что хочу или получаю от этого удовольствие. А потому, что так устроено проклятие. Я живу до тех пор, пока отбираю жизни. Это мое бремя.

Он остановился в трех шагах от меня. Теперь я видела его глаза совсем близко — под толстым слоем льда в них шевелилось что-то живое, что-то глубоко запрятанное, загнанное в угол. Боль, отчаяние, бесконечная усталость.

— Мне нужен тот, кто поможет мне снять это проклятие, — продолжил он. — Ты умеешь слышать то, что не слышат другие. Возможно, ты сможешь услышать и мое проклятие. Увидеть его источник. Найти способ его разрушить.

— Я не маг, — сказала я, и голос мой дрогнул.

— Знаю. Но магия не всегда заключается в заклинаниях и ритуалах. Иногда она в крови, в роду, в даре, который передается из поколения в поколение. Твой дар — редчайший. Он ценнее любого магического дара, который я когда-либо видел.

Он смотрел мне прямо в глаза, и я не отводила взгляда, хотя внутри у меня все дрожало от напряжения. Изнутри, из глубины груди, поднималась ледяная дрожь, но я не позволяла ей прорваться наружу.

— Почему я? — спросила я, и голос мой прозвучал тверже, чем я ожидала. — Почему не какая-нибудь знатная ведьма из королевского совета?

— Потому что ты — дочь палача, — сказал он, и в его голосе промелькнула странная, почти уважительная нотка. — Ты выросла рядом со смертью. Ты не бежишь от нее, как остальные. Ты слышишь ее, понимаешь ее язык. Ты знаешь смерть, как никто другой. Мне не нужна ведьма из башни, которая боится собственной тени. Мне нужна ты.

Я замолчала. В зале было так тихо, что я слышала, как ветер гудит в высоких, стрельчатых окнах.

— А что я получу взамен? — спросила я, и это был единственный вопрос, который имел значение.

— Все, — ответил он, и это слово прозвучало тяжело, как обет.

— Это не ответ.

— Свобода, — сказал он, и в этом слове было больше смысла, чем в любом другом. — Деньги. Защита. Ты перестанешь быть «дочерью палача», на которую плюют на рынке. Ты станешь женой наследника престола. Пусть формально. Но этого будет достаточно, чтобы никто и никогда больше не посмел бросить в тебя камень или плюнуть под ноги.

От этих слов у меня зацепало в носу, и я почувствовала, как по щеке скатилась первая, горячая слеза. Я вспомнила мальчишку с камнем, старуху у рынка, плевки под ноги, шепот за спиной. Свобода. Перестать быть изгоем. Перестать быть той, кого все обходят стороной.

— А если не получится снять проклятие? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Тогда ты уйдешь, — сказал он, и в его глазах мелькнула тень. — С деньгами и моей личной защитой. Я сдержу свое слово, Айрис.

— Почему я должна вам верить?

Он подошел ближе. Теперь между нами был всего один шаг. Я чувствовала его запах — холодный, как зимний лес после снегопада, и что-то слабое, едва уловимое, похожее на дым после пожара.

— Потому что я никогда не лгу, — сказал он тихо. — Я слишком устал для лжи. Она отнимает слишком много сил.

Мы стояли лицом к лицу. Я смотрела снизу вверх на его резкие, острые черты, на тонкий белый шрам у левого виска, уходящий в волосы, которого я не заметила раньше. Он смотрел на меня, и в глубине его глаз что-то дрогнуло — что-то живое, почти человеческое.

— У тебя есть месяц, — сказал он, и голос его снова стал ровным и спокойным. — Подумай, взвесь все за и против. Если решишь — приходи.

— И все? — выдохнула я. — Вы притащили меня сюда через весь город, чтобы дать мне месяц на раздумья?

— Я не ташу, Айрис, — сказал он, и в голосе его промелькнула усталая усмешка. — Я прошу. Это большая разница.

Он отступил, развернувшись к окну, и свет упал на его лицо, высвечивая темные круги под глазами и болезненную бледность кожи. Он выглядел так, будто не спал уже много лет.

— Тебя проводят, — бросил он, не оборачиваясь. — И, Айрис...

Я замерла.

— Не рассказывай отцу об этом разговоре, — сказал он глухо. — Он не поймет. Он будет пытаться тебя удержать, и это только навредит нам обоим.

— Он уже не понимает, — прошептала я.

— Значит, тем более.

Я вышла из зала. Дверь закрылась за мной с глухим, тяжелым стуком, отозвавшимся эхом в пустом коридоре. Человек в черном уже ждал меня, неподвижный, как статуя. Мы прошли обратно через пустой двор, к карете, и я не оборачивалась. Но спиной я чувствовала его взгляд, пронизывающий меня насквозь — тяжелый, как лезвие топора.

Дома отец не спросил меня, где я была. Только взглянул на мои испачканные пылью туфли, на мокрый подол, на мое бледное, перепуганное лицо. И отвернулся к стене, сжав кулаки.

Я поднялась к себе, села на кровать, не снимая плаща, и долго сидела в темноте, глядя на собственные руки. В голове все крутилось и не складывалось в единую картину. Проклятие, свобода, жена наследника престола — формально. Он не лжет, я чувствовала это нутром. Он слишком устал для лжи.

Я закрыла глаза.

И снова слышала не слово «берег». Другое. Его голос, когда он сказал: «Я никогда не лгу». Внутри у него что-то треснуло, будто лопнула туго натянутая струна. Я не слышала его мыслей, но чувствовала это отчетливо, как старую, незаживающую рану, которую он прячет за каменным лицом.

Открыла глаза. За окном быстро темнело, город готовился ко сну, не знал, что где-то в этом огромном мрачном замке принц стоит у окна и смотрит на пустую площадь, думая о смерти. О своей собственной смерти. Или о чьей-то еще.

А я сидела на старой, продавленной кровати и боялась не его. Я боялась, что уже знаю ответ на свой вопрос, и этот ответ изменит все.

Глава 5. Решение

Месяц я не выдержала.

На третий день я поняла, что все равно скажу «да» — как только придет время. На седьмой — что уже решила, просто не готова признаться в этом даже самой себе. А на девятый день к нашему порогу снова пришел человек в черном и молча положил на крыльцо цветок. Белую лилию, такую же, как те, что я видела в оранжерее. Без записки, без единого слова. Просто оставил и ушел, растворившись в утреннем тумане.

Отец нашел цветок раньше меня. Когда я спустилась вниз, он уже стоял у двери, сжимая лилию в грубом кулаке, и белые, нежные лепестки осыпались на пол, как пепел, как снег.

— Это от него? — спросил он, и голос его дрожал.

— Да.

— Ты пойдешь к нему, — сказал он, и это был не вопрос, а утверждение, произнесенное с такой безнадежностью, что у меня сжалось сердце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.